
III. КОНФЛИКТЫ, ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСОВ, ПОИСКИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

С.И. ДАНЧЕНКО

(Институт славяноведения РАН, Москва)

НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 70-х годов XIX в. и русское общество

Abstract:

Danchenko S.I. *Start of the Great Eastern Crisis of the 1870s and the Russian society*

The article is devoted to the 140th anniversary of the Great Eastern Crisis 1875–1878. With the help of the numerous archive documents and materials of central and local press which have been published since the 1950s in Russian the author analyses the development of the social movement in Russia which aim was to provide help for the Herzegovinians and Bosnians, who began a rebellion against the Turkish rule in the summer of 1875. The role of the Slavic Committee, individual activists and the Russian Orthodox Church taking part in the organization of this help is also described.

Ключевые слова: Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., Босния и Герцеговина, русское общество, помощь балканским славянам в 1875 г., Славянские комитеты, славянофилы.

Летом 1875 г., далеко от России, на Балканах, в горах одной из османских провинций Герцеговины вспыхнуло очередное восстание против власти турок, которое вошло в историю как начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в.

Восстания здесь происходили с конца 1850-х годов неоднократно, и всякий раз они подавлялись с присущей османским войскам жестокостью. Однако это не проходило бесследно – в своей освободительной борьбе герцеговинцы приобрели боевой опыт, тем более, что их поддерживали соседи-боснийцы, автономная Сербия и никогда не признававшая турецкой власти Черногория.

Уже с весны 1875 г. волнения в Герцеговине и соседней Боснии усилились – в связи с ухудшением материального положения

народа. Неурожай 1874 г. и последовавшая затем долгая суровая зима, вызвавшая массовый падеж скота, поставили население края на грань голода. И в это самое время в бедных селениях появились сборщики податей, которые требовали их в увеличенных размерах. В ответ герцеговинцы взялись за оружие.

Впоследствии русский консул в Сараево А.Н. Кудрявцев так писал о причинах восстания в Герцеговине: «Известно всем и каждому, что герцеговинское восстание было возбуждено экономическим разорением страны, безобразием местных администраций и вообще безвыходным положением христианского населения, претерпевающего столько угнетений, мучений и унижений от магометанского населения и турецких чиновников. Что делали и как жили христиане? В поте лица своего они работали дни и ночи, платили, пока могли, подати и повинности правительству, выплачивали третью и четвертую части помещикам, поили, кормили и насильственным образом одаривали жандармов, столь часто появлявшихся в их селах. И пока был еще кусок хлеба у себя дома, пока жена и дети имели на себе хотя рубашки, сносились убийства и увечья, унижения и неправды перед судилищем турецких кадий, оскорбления и осквернения самого бесчеловечного свойства бегов и аг. Но когда этого куска хлеба не стало, а жандармы наехали на села с требованием “вынь да подай откуда хочешь”, народ бежал в горы, и из экономического или аграрного вопроса восстал давно ожидаемый, но усилиями Европы отклоняемый вопрос политический»¹.

Началом массового вооруженного восстания в Герцеговине считается 23 июня (5 июля) 1875 г. Сигналом послужило нападение гайдуков на турецкий караван на дороге Мостар-Невесинье. В августе восстание охватило всю северную Герцеговину и большую часть южной. Ряд турецких крепостей и городов – Никшич, Горанско, Невесинье, Трубинье, Билеч – были блокированы восставшими.

Восстание расширялось, несмотря на попытки великих держав – России, Австро-Венгрии и Германии, опасавшихся развития конфликта на Балканах, надавить на османские власти с целью умиротворить повстанцев. Войска, брошенные на подавление восстания, безжалостно уничтожали целые села, предавали мучительной смерти стариков, женщин, детей. Очевидец событий, русский консул в Дубровнике А.С. Ионин писал в МИД России 23 сентября (5 октября) 1875 г.: «...мы до сих пор не имеем возможности еще вполне сообразить все размеры настоящей катастрофы. Будет ли война или мир, ее последствия в скором времени предстанут во

всем своим ужасе, как горькое осуждение против Турецкой империи, как самый законный **предлог для общественной благотворительности** (выделено нами. – С.Д.). Бывают и в других странах революции и бедствия, но здесь – это не революция, а зверское истребление и людей, и всего, что они производят...»².

В августе 1875 г. началось восстание в Боснии. Оно охватило значительные территории между реками Уной, Врбасом и Савой, городами Нови, Приедором, Баня Лукой. Повстанцы осадили города Приедор, Костайницу, Дубицу, Орахов, Градишку. Затем восстание распространилось на северо-восток и юго-запад Боснии. Области, компактно населенные мусульманами, участия в восстании не принимали³.

Жестокие репрессии турецких войск вызвали массовое бегство герцеговинцев, а затем и боснийцев в соседние Черногорию и Далмацию.

Иностранные корреспонденты газет и журналов быстро разнесли по всей Европе весть о балканской трагедии. Они не жалели красок для описания зверств турок и страданий несчастных христиан. И как результат – независимо от действий правительств во многих странах возникло общественное движение помощи восставшим и беженцам. Первые комитеты были созданы в Черногории и Сербии – их возглавили митрополит черногорский Иларион и митрополит сербский Михаил; затем – в Воеводине (Нови Сад, Карловцы, Панчево) и Далмации (Герцег Нови, Сплит и др.). Комитеты возникли также на территориях с хорватским населением – в Сисаке, Осиеке, Ясеновце, Костайнице; их работу курировал Загребский комитет во главе с епископом Й. Штросмайером. В движении помощи участвовали и сербы, и хорваты⁴.

Комитеты помощи появились и в Европе: в Италии (Рим, Болонья, Венеция), в Вене, Женеве, Германии, Англии, на о. Крит и даже в Северной Америке. 16 (28) августа в Париже был образован Международный Центральный комитет помощи герцеговинцам под председательством сербского митрополита Михаила (вице-председателем стал хорватский епископ Й. Штросмайер). Деятельным членом комитета, фактически взявшим на себя всю огромную оргработу, стал Гавриил Веселитский-Божидарович, герцеговинец по происхождению. Его дед выехал из Герцеговины и поселился в России, отец был генералом на русской службе, сам Гавриил учился в Пажеском корпусе в Петербурге, некоторое время служил в гвардии, затем – по линии министерства иностранных дел России, жил по преимуществу за границей и являлся корреспондентом различных газет.

После создания Международного комитета помощи Веселитский-Божидарович активно действовал то в Париже, то в Дубровнике, бывал в Белграде, Цетинье и других местах. Он без устали организовывал снабжение беженцев и повстанцев продовольствием, одеждой, лекарствами. А.С. Ионин находился с ним в постоянном контакте и передавал ему деньги, поступавшие из России⁵. В донесении в МИД от 23 сентября (5 октября) 1875 г. Ионин писал: «Здесь (в Дубровнике – С.Д.) находился в продолжении 2-х недель Гавриил Сергеевич Веселитский, делегат Парижского общества. Своей энергией, одушевляемой истинным и бескорыстным чувством человеколюбия, своим тактом, который поставил его здесь совершенно вне политических соображений, – он принес... много пользы... Познакомившись с г. Веселитским, после наведенных мною справок, я могу смело рекомендовать его императорскому министерству... как человека вполне надежного и с тактом, не имеющего ничего общего с Парижем, хотя он там и живет постоянно»⁶.

Самой насущной задачей Международного комитета был сбор денежных средств для закупки продовольствия, необходимого беженцам, так как население бедной Черногории, оказавшейся в эпицентре трагических событий и ставшей главной «территорией спасения», само очень нуждалось и было не в состоянии прокормить десятки тысяч человек.

Ссылаясь на частное письмо к нему черногорского сенатора Станко Радоница, А.С. Ионин 8 (20) ноября 1875 г. сообщал в Петербург следующее: «Божидар Петрович и митрополит Иларион с другими важнейшими лицами в Черногории ходят теперь из села в село, собирая от черногорцев посильные подаяния для бежавших герцеговинцев. Они собирают где несколько фунтов картофеля, где два кочана капусты, где рубашку, где несколько крейцеров денег. Нужды так велики и настоятельны, что нет сомнения, что черногорцы, которые в такие минуты не жалеют себя, сделают все возможные пожертвования, чтобы облегчить судьбу своих братьев, но вы можете себе представить, что можно собрать в Черногории и какое впечатление может произвести на народ эта необходимость жертвовать последним куском хлеба только потому, что турецкому правительству угодно быть невыносимым и варварски жестоким. Страна, которая жила недавно еще грабежом других, теперь спокойно должна терпеть, что ее грабят». Прекрасно, не понаслышке знакомый со сложившейся ситуацией, русский дипломат продолжает: «Кто бы мог несколько лет тому назад сказать, что Черногория может быть так терпелива, иметь настолько здра-

вого политического смысла..., выдерживать такое политическое испытание? Кто мог подумать недавно еще, что страна эта, жившая за счет чужих и турок, может столь великодушно приютить и кормить у себя целое население, ибо до сих пор помощь, пришедшая в Черногорию извне, не достигает и малой доли того, что уже было пожертвовано Черногорию без крика и театрального хвастовства за последние 4 месяца...». А.С. Ионин убежден, что при данных обстоятельствах главное, чтобы «в Черногории не сделалось... вспышки негодования, которая увлекла бы за собою события на новый и решительный путь». Необходимо прийти на помощь черногорскому народу и в первую очередь собрать как можно больше средств для покупки продовольствия⁷.

В России инициаторами оказания помощи герцеговинцам, а затем восставшим в августе 1875 г. боснийцам, выступили Славянские комитеты. Правда, вначале они бездействовали, ибо за недостатком информации их руководители полагали, что восстание – дело рук Австро-Венгрии, которая «под эгидой дружбы с Россией, старается забрать в свои руки Восток»⁸.

А тем временем русские газеты и журналы настойчиво распространяли по всей России информацию о герцеговинском восстании. «Вся читающая Россия», а вслед за ней и «нечитающая» были в курсе славянских дел. Так, по свидетельству Г.В. Плеханова, в столовой рабочих Василеостровского патронного завода в Петербурге ежедневно за обедом читались вслух газетные сообщения о герцеговинском восстании⁹.

Из русских периодических изданий первым написал о восстании в Герцеговине «Одесский вестник», который поддерживал связь с балканскими странами и считал дошедшие слухи преувеличенными, но признавал возможность восстания из-за насилия и произвола властей¹⁰. Вторым отозвался редактировавшийся генералом в отставке М.Г. Черняевым журнал «Русский мир», помещивший 8 июля перепечатки из иностранных газет о столкновении у Невесинья¹¹. 25 июля 1875 г. авторитетная петербургская газета «Голос» писала о своем полном сочувствии к восставшим, о непомерном налоговом гнете и жестокостях турок и призывала к помощи пострадавшим¹².

А вскоре и в других изданиях регулярно стали появляться сообщения о тысячах беженцев, лишенных пропитания, одежды и всего самого необходимого. Под влиянием усиливавшейся день ото дня агитации прессы, расцвет которой приходится как раз на годы Восточного кризиса, движение в русском обществе началось.

23 августа Санкт-Петербургский отдел Славянского комитета обратился в МИД с просьбой разрешить проводить сборы в пользу герцеговинцев на всей территории Российской империи. 25 августа последовало разрешение на эту акцию императора Александра II, и министр внутренних дел известил об этом всех губернаторов специальным циркуляром.

14 сентября 1875 г. с посланием к русскому народу об оказании помощи славянам Герцеговины, Боснии и Старой Сербии обратился сербский митрополит Михаил. Рассказав вначале о страданиях славян и бесчинствах турок, он призвал русских «братьев и сестер», «счастливно наслаждающихся драгоценною свободою», услышать «голос, полный мольбы, бедной, гибнущей райи» и «во имя славной национальности, во имя единой святой православной церкви..., во имя гуманности», «подать посильную помощь бедным, брошенным всеми на произвол судьбы вашим братьям-славянам». Свое послание митрополит Михаил закончил словами Спасителя: «Понеже сотворите единому сих братий моих меньших, Мне сотворите» (Евангелие от Матфея)¹³.

20 сентября 1875 г. с аналогичным посланием обратился к Московскому славянскому комитету черногорский митрополит Иларион. В нем говорилось о тяжелом положении беженцев-герцеговинцев в Черногории. «Весь этот народ гол, бос и голоден, все они размещены по домам черногорцев..., но и те, и другие лишены всего необходимого, чтобы пережить лютую зиму... Нужно хлеба! Заботу о нем приняло на себя наше правительство. Но у них нет с собой никакой посуды, никакой одежды, нет постелей, а это необходимо, как и пища; ибо кроме раненых между этими страдальцами много детей, женщин и старцев, немощных и больных... Ввиду всего этого Цетинский комитет обращается к человеколюбию и милосердию Славянского благотворительного комитета, да придет он возможно скорее на помощь страдальцам как денежными пожертвованиями, так и предметами первой необходимости... Жизнь нескольких тысяч страдальцев зависит от помощи, и притом скорой помощи вашей»¹⁴.

23 сентября 1875 г. в газете «Голос» было опубликовано обращение Г.С. Веселитского-Божидаровича, в котором он взывал к россиянам: «... пришлите поскорее помощи. Помогите сирым, голодным, измученным, лишенным всего... и уповающим только на помощь извне, особенно из России»¹⁵.

По всей России начался сбор средств в пользу славян. Сборы проводились в самых разных формах: по подписным листам, в редакциях журналов и газет, в театрах, на музыкальных вечерах, на

родных гуляньях, а также кружечные и тарелочные сборы в церквях, торговых заведениях и т.д. Москвичи свои пожертвования опускали в кружку у церкви Сербского подворья, открытого 30 ноября 1874 г. на Солянке. Только за три дня, с 5 по 8 сентября 1875 г., было собрано 700 руб. сер.¹⁶ В воскресенье 14 сентября в Благовещенском храме подворья его настоятель о. Савва отслужил торжественную панихиду об упокоении «всех православных, иже в Старой Сербии, Герцеговине и Боснии христоролюбиво и братолюбиво пострадаша». Глава московских славянофилов И.С. Аксаков накануне писал секретарю комитета Н.А. Попову: «В воскресенье предполагается отслужить панихиду в Сербском подворье по убитым герцеговинцам. Надо бы придать этому больше гласности и торжественности... Нужно непременно агитировать, возбуждать общество в Москве и тем произвести некоторое нравственное давление на правительство»¹⁷.

Сбор пожертвований в пользу славян происходил в России и раньше – по линии Русской православной церкви. В Россию приезжали в основном священники из балканских владений Османской империи и с разрешения Св. Синода собирали средства для строительства, обустройства или восстановления церквей у себя на родине, а также для открытия школ, училищ, семинарий. С конца 1850-х годов к этому виду деятельности активно подключился Московский славянский комитет, который оказывал приезжавшим «сборщикам» немалую помощь, в том числе информационного характера. Так, когда в феврале 1873 г. в Россию для сбора пожертвований приехал архимандрит из Боснии Савва Косанович, Н.А. Попов проявил много энергии, чтобы помочь ему в выполнении его миссии и даже написал и оперативно опубликовал специальную работу «Православие в Боснии и его борьба с католическою пропагандою и протестантскими миссионерами» (М., 1873) – с целью познакомить россиян с нуждами православного населения в Боснии.

В начале октября 1875 г. Московский славянский комитет опубликовал воззвание сербского митрополита Михаила, послание черногорского митрополита Илариона и свое обращение в «Московских епархиальных ведомостях», в ряде других газет, а также отдельной листовкой, сотней тысяч экземпляров разосланной по всей России. Помимо этого, призывы к жертвованиям сделали Главное управление Красного Креста и Св. Синод.

Вначале сборы «на славян» были еще незначительны, текли, по выражению И.С. Аксакова, тонким ручейком. Однако постепенно ситуация менялась. «Россия, – писал Аксаков А.С. Ионину в

Дубровник 22 октября, – что ивановский тяжелый колокол: раскачивается медленно, а загудит, так не скоро уймешь... Кажется, нам удалось подвинуть общественное чувство, несмотря на сдержанность, вынуждаемую своего рода политическими соображениями, официальных сфер»¹⁸. До октября 1875 г. из Москвы было уже выслано из собранных средств 30 тыс. руб. на нужды беженцев. Московская Дума приняла решение послать от имени города 20 тыс. руб.¹⁹.

А затем случилось небывалое в истории пореформенной России – в стране, где подавляющее большинство населения жило бедно и очень бедно, возникло широчайшее движение по оказанию помощи «страждущим братьям-славянам». Учитывая размеры империи, оно было значительно масштабнее, чем аналогичное движение в других странах. «20 лет тому назад, – констатировал И.С. Аксаков, – еще немисливо было собирать такие суммы на славянское дело, а теперь шлют деньги даже мещане и крестьяне...»²⁰. 7 ноября 1875 г. он же писал: «Сбор течет упорной струей, несмотря ни на что: ни на безденежье, ни на правительственное безучастие...»²¹.

Следует отметить, что в советскую эпоху в историографии данное общественное движение рассматривалось главным образом в 1876 г. – в связи с Апрельским восстанием в Болгарии и сербо-турецкой войной. Даже высказывалось мнение, что «во второй половине 1875 г. движение выражалось еще в форме сочувственного обсуждения известий о восстании в Герцеговине...»²². Однако новые публикации документов дают массу материала об организации помощи славянам и сборе пожертвований в России уже в 1875 г.

В советской историографии было принято акцентировать внимание в первую очередь на откликах на балканские события передовых, как тогда писали, представителей общества – демократов и революционеров. Вместе с тем документальные материалы, хранящиеся в отечественных архивах, многие из которых уже опубликованы, свидетельствуют о том, что и другие слои Российской империи – крестьяне, ремесленники, рабочие, студенты – живо и деятельно реагировали на происходящее на Балканах. Сопроводительные письма к пожертвованиям в Славянские комитеты и редакции газет из всех уголков России поражают своей искренностью и подлинными чувствами милосердия и сострадания. Вот некоторые примеры.

Из письма крестьянина слободы Кукарки Яранского уезда Вятской губернии Даниила Медведева И.С. Аксакову от 15 нояб-

ря 1875 г.: «Находясь мы на дальнем севере, глубоко прочувствовали все бедственное положение наших православных братьев-славян – по плоти и духу, обреченных по неисповедимым судьбам божьим на страдания под мусульманским гнетом. Помня, что и мы, ныне под крепким скипетром благоденствующие, некогда так же страдали от татарской орды. Чувствуя необходимую помощь страдальцам герцеговинцам, поднявшим знамя для освобождения свободы, дорогой всякому цивилизованному человеку, но мы знаем, что можем помочь только посильно своими трудами, а политический вопрос подлежит решению мудрого правительства. И так на этом рассуждении жертвуем в пользу семейств страдальцев Востока – герцеговинцев: Даниил Федосеев Медведев 10 руб., Павел Осипов Бердников 2 руб., Федор Васильев Ермаков 3 руб., Владимир Яковлев Старостин 1 руб., всего шестнадцать рублей серебром»²³.

В «пользу славян, пострадавших от настоящего восстания в Герцеговине», профессор Новороссийского университета Н.А. Головкинский (русский геолог; в 1871–1876 г. – профессор минералогии, декан и ректор Новороссийского университета в Одессе) в ноябре 1875 г. прочел публичную лекцию «Мысли о прошедшем и будущем нашей планеты»²⁴.

«Жертвы эти... приносятся из глубины народного сочувствия, они – не от избытка средств, а от избытка чувства жалости и болезни о бедствиях наших братьев», – писал директор Острожской учительской семинарии Н.Д. Богатинов, сообщавший о добровольном ежемесячном отчислении 5% содержания служащими семинарии для «бедных и больных в Черногории»²⁵.

В декабре 1875 г. в редакцию газеты «Русский мир» поступили пожертвования (от 50 руб. до 10 коп.), в том числе, от учеников и учениц Костромского двухклассного училища, от мещан В.И. Камацинова и Н.А. Чекалова, от офицеров 2-го батальона 84-го пехотного Ширванского полка, от служащих Полтавской губернской управы, от детей: Володи Замыцкого (10 коп.), Саши Иконникова (2 руб.), Лены Кукушкиной (2 руб.), Васи Бабенко (25 коп.), Вити Дубинина (40 коп.), Сережи Дунаева (20 коп.) и др. Всего в редакции газеты на 19 декабря 1875 г. было собрано более 3000 руб.²⁶.

Из письма протоиерея Благовещенского собора Воткинского завода в Вятской губернии Михаила Преображенского в Московский славянский комитет от 24 ноября 1875 г.: «Глубоко сочувствуя и желая с возможною скоростью помочь страждущим семействам герцеговинцев и остальных с ними славян, почтительнейше

представляю при сем в комитет 10 руб., собравшихся из незначительных пожертвований, доходивших даже до одной копейки, и покорнейше прошу комитет препроводить их бедствующим страдальцам»²⁷.

Как сообщала газета «Саратовские губернские ведомости» 27 сентября 1875 г., в редакцию поступили «пожертвования в пользу раненых и больных жертв восстания в Герцеговине и Боснии» в размере 587 руб., которые начальником губернии были направлены в С.-Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета. Всего же на тот момент через эту газету было собрано 904 руб. 75 коп.²⁸.

Многочисленные архивные документы различного происхождения, открытые и опубликованные отечественными историками, убедительно свидетельствуют о том, что подавляющее число пожертвований в 1875 г. (и в последующие годы) поступало от крестьян, рабочих и городской бедноты.

«Сочувствием к бедствующим славянам проникнуты все сословия губернии, но... не в равной мере... только лишь в среде крестьянского населения в большинстве местностей сочувствие, можно сказать, полное», – доносил начальник Тульского жандармского управления²⁹.

О том, что сочувствие к балканским славянам «явственнее обрисовывается» в «простом необразованном классе», «стоит более на стороне крестьянского населения», сообщали местные власти Петербургской и Тамбовской губерний³⁰.

«Крестьянское население... глубоко проникнуто сочувствием к безотрадному положению славян Балканского полуострова», – доносили в Петербург из Ярославского жандармского управления. Сумма пожертвований по Ярославской губернии складывалась в следующей пропорции: 80% было пожертвовано крестьянами, 15% – служащим сословием и 5% – дворянством³¹.

Примерно такие же цифры приводили в своих рапортах с мест жандармские чиновники из других губерний. Так, начальник Псковского жандармского управления писал в 1875 г.: «Боле других сословий в пожертвовании участвовали крестьяне, так как из 15 тыс. руб., собранных в Псковской губернии, 12 тыс. внесли крестьяне, а прочие 3 тыс. – жители городов»³².

Начальник Могилевского жандармского управления сообщал, что помещики губернии вовсе не принимали участия в кампании по оказанию помощи южным славянам. В Тамбовской губернии помещики, даже такие крупные как Енгальчев, Снетков и Петрово-Соловово, владевшие именьями по 40-70 тыс. десятин земли,

не дали на «дело славян» ни одной копейки. Та же картина наблюдалась и в отношении купечества, обладавшего большими капиталами, но оставшегося безучастным к «славянскому делу». Как свидетельствуют архивные документы, приведенные советским историком Т.Г. Снытко, известные московские купцы Перлов и Ермаков не только ничего не дали в фонд помощи балканским славянам, но и не позволили организовать сбор пожертвований в «своих», т.е. находившихся под их попечительством, церквах³³.

Касаясь отношения различных классов и групп к движению сочувствия балканским славянам, III отделение в докладной записке 1875 г. на имя императора так отзывалось о купцах: «Купечество, за весьма немногими исключениями, не принимало почти никакого участия в общем движении и, занятое исключительно мыслью о наживе, уклонялось от всяких пожертвований»³⁴.

Широкие сборы привели к сосредоточению в кассах Славянских комитетов значительных средств. С.А. Никитин называет следующие цифры. На 1875 год приходный бюджет Московского комитета составлял всего 7 тыс. руб. Эта сумма предусматривала обычные расходы на стипендии, пособия и пр. «Когда же с момента начала сборов стали притекать пожертвования в пользу славян, они достигли неслыханных до того размеров: с 1 сентября 1875 г. по 22 октября 1875 г. было собрано 742 тыс. руб. и израсходовано 383,5 тыс. руб.»³⁵.

Сколько всего было собрано денег «на славян» за несколько месяцев 1875 г. – невозможно подсчитать. Одно можно утверждать – это были весьма значительные суммы, судя хотя бы по отчету А.С. Ионина в МИД России от 20 декабря 1875 г. (по ст.ст.). Из него следует, что только в русском консульстве в Дубровнике было получено, считая на австрийские гульденy, почти 200 тыс. И это только с 1 (13) октября по 15 (27) декабря 1875 г. Средства были присланы от Славянских комитетов, от редакции газеты «Голос», от хозяйственного управления Св. Синода, других учреждений и частных лиц³⁶.

По данным Славянских комитетов, общая сумма всех сборов и пожертвований, направленных в Герцеговину по общественной линии, составила на 25 декабря 1875 г. 360 тыс. руб.³⁷.

Впоследствии сборы значительно увеличились. Как следует из отчета С.-Петербургского славянского комитета, с августа 1875 г. по октябрь 1876 г. было собрано около 900 тыс. руб. только этим комитетом³⁸.

С.А. Никитин считал, что на самом деле русская помощь была значительно больше, и цифры, приводимые в различных до-

несениях и прочих документах, ввиду несовершенства отчетности, не отражают реального положения. В середине 1876 г. Веселитский-Божидарович писал: «В январе месяце прекратились пожертвования из Франции, в апреле из Швейцарии, в июне и из Англии. Одна Россия осталась верною несчастным славянам...»³⁹.

Досконально изучивший архивные материалы по данному вопросу С.А. Никитин сделал вывод, который никогда не оспаривался учеными из других стран: «... русские средства были основным источником поддержки герцеговинцев»⁴⁰.

Подчеркивая значение именно «народных» сборов в России «на славян», А.С. Ионин писал в донесении в МИД 23 сентября (5 октября) 1875 г.: «Официальных затрат казны нигде не может быть достаточно в минуту народных бедствий, да кроме того органы правительств не всегда достаточно ловки, чтобы уметь удовлетворить нужды народа именно тогда, когда это необходимо...»⁴¹.

Отечественные исследователи в своих трудах по данной проблеме также отмечали решающую роль именно народной помощи славянам в 1875 г. и в последующие годы. Так, В.Я. Гросул писал: «... финансовое положение России было весьма сложным. Развитие капитализма не зашло столь далеко, чтобы привести к сколько-нибудь значительному накоплению капиталов. Крупные средства были израсходованы на проведение реформ и заметно возросшую бюрократию. Финансовые затруднения с началом Восточного кризиса усугубились... и акциями внешних сил, прежде всего английских банкиров, стремившихся к ослаблению экономического положения России. В этих условиях общественная материальная помощь балканским народам играла исключительно важную роль»⁴².

Простым русским людям были чужды мысли об использовании ситуации на Балканах в целях установления там политической гегемонии России, им не нужны были ни Проливы, ни Константинополь, ни ослабление Османской империи. Они слышали, что родственный им, православный народ, угнетенный турками, поднялся на борьбу, и ему нужно помочь. И здесь закономерно встает вопрос: а каким образом простой, «серый» люд по всей империи узнавал о событиях на Балканах? В свете опубликованных в последнее десятилетие документов, можно констатировать, что у истоков этого «знания» были не только деятельность Славянских комитетов, о которых было мало известно в глубинке, и газетно-журнальная агитация, часто носившая в эти годы фанатичный, истеричный характер. Особую и очень важную роль в том, что движение по оказанию помощи балканским славянам приобре-

ло такой широкой размах, сыграла, на наш взгляд, Русская православная церковь. В условиях сильной централизации власти в Российской империи, когда местные органы самоуправления были практически лишены инициативы, а общественная жизнь сильно ограничена, именно церковь располагала инструментом овладения общественным мнением через овладение сознанием отдельного человека – с помощью разносторонней церковно-религиозной практики.

С разрешения правительства и Св. Синода в церквях по всей России произносились проповеди о бедствиях славян, зачитывались воззвания сербского и черногорского митрополитов. В селах священники красочно повествовали народу о страданиях «братьев по вере и крови», местные архиереи распространяли подписные листы и собирали средства. «С самого начала герцеговинской борьбы, – читаем мы в воззвании Московского славянского комитета к русскому обществу, – духовенство на всем пространстве России, от архипастырей до сельских священников, явилось верным и ревностным ходатаем пред русскою землею о нуждах наших славянских братий и красноречиво доказало, что вместе с чувством христианского милосердия оно хранит в себе неизменно живое народное чувство и верное разумение русского исторического призвания и долга»⁴³.

Так, из письма настоятеля Крутомайданской Троицкой церкви в Нижнем Новгороде священника Платона Мачицкого к И.С. Аксакову от 12 января 1876 г. мы узнаем, что 1 января он прочитал в своем храме собравшимся прихожанам послание сербского митрополита Михаила и «по произнесении особой речи в поминание простолюдинам-прихожанам о тех постоянно существующих бесчеловечных притеснениях и угнетениях, которые терпят наши собратья..., и в вызове их сердечного сострадания к таковым несчастным страдальцам, предложил им пригласительный лист для записи своих добровольных подаяний, по которому собранные деньги в количестве 21 руб. серебром вместе с подписным листом» священник послал в Московский славянский комитет⁴⁴.

На что тратились собираемые в России пожертвования? Прежде всего на покупку муки, кукурузы и сухарей для пропитания беженцев из Герцеговины и Боснии. «...консульством (в Дубровнике – С.Д.) и Цетиньским благотворительным комитетом было употреблено вместе на покупку хлеба и сухарей 125 609 флоринов, что составляет почти 4/5 всех денег, употребленных до сих пор на помощь в Черногории», – писал А.С. Ионин в МИД России

20 декабря 1875 г. (1 января 1876 г.). «Из Одессы, – добавлял он, – доставлено 672 куля муки и 3122 четверти маиса».

А число беженцев всё росло. «Ревизия сделана была 2 месяца назад, – продолжал А.С. Ионин, – и показала около 35 тыс. душ, но с тех пор число бежавших постоянно увеличивалось, и даже некоторые из тех, которые укрылись было вначале на австрийской территории, ... перекочевали в Черногорию, где жизнь для них гораздо лучше и удобнее зимою, где черногорцы принимают беглецов в свои дома, снабжают их по крайней мере кровом и топливом, чего беглецы не имеют в Далмации, где им часто приходится существовать под открытым небом, несмотря на необыкновенно холодную зиму нынешнего года, где правительство выдает им только хлеб, а народ и общество помогают относительно весьма слабо»⁴⁵.

Помимо хлеба, из-за сильных холодов беженцы очень нуждались в теплой одежде. «Всякое пожертвование бельем, платьем, одеялами, сукном и пр., какого бы качества оно ни было, – пишет Ионин в донесении, – ...никогда не будет бесполезным и лишним». При этом русский консул подчеркивает: «Весьма желательно, чтобы лица, специально жертвующие на помощь платьем, присылали бы для этого деньги в Триест, где за весьма умеренную цену можно достать всё необходимое и соответствующее местным костюмам. Таким образом, можно было бы избежать лишних трат, сопряженных с пересылкой вещей, купленных в России, причем иногда провоз и таможенные пошлины превосходят ценность пожертвованных вещей»⁴⁶.

В заключение своего донесения-отчета А.С. Ионин подводит итог: «... из всех денег, израсходованных до настоящего времени консульством, 7/8 употреблено на помощь в Черногории и 1/8 – в Далмации»⁴⁷.

На собранные в России средства был также снаряжен и отправлен в декабре 1875 г. в Черногорию первый санитарный отряд – для медицинской помощи герцеговинцам, боснийцам и черногорцам. В его составе (всего 35 человек) были: врачи – Алишевский, Ковалевский, Жужукин, Богоявленский; сестры милосердия – Карцова, Е. Королева, У. Королева, Кочкина, Попова, Сципура, Терпиловская, Харламова и Надеждина. Вспомогательный персонал состоял из студентов Медико-хирургической академии. Отряд отправлялся от Общества попечения о раненых и больных воинах. Главноуполномоченным Общества при санитарном отряде был член С.-Петербургского славянского комитета П.А. Васильчиков.

Русские медики везли с собой большой груз (541 пуд) лекарств и медицинских принадлежностей⁴⁸.

Информируя своих читателей об отъезде санитарного отряда в Черногорию, газета «Голос» писала: «Как отряду, так и транспорту предстоит весьма неудобный путь во всякое время года, особенно в настоящее суровое время, трехсуточный переезд морем, трехсуточный переход на вьюках. Наконец, и по самом приезде в Цетинье, весьма небогатом помещением и удобствами, лишения и неудобства еще долго будут постоянными спутниками отряда...». Далее автор корреспонденции сообщал следующие подробности: «На содержание лазарета и санитарного персонала Общество назначило на полгода 60 000 руб. Сверх того оно передало главноуполномоченному 15 000 руб. на покупку хлеба... Петербургский и Московский славянские комитеты со своей стороны передают главноуполномоченному Общества собранные ими пожертвования. Можно с уверенностью полагать, что для первой закупки хлеба в распоряжении уполномоченного будет до 50.000 руб. Этой суммы для обеспечения от голодной смерти 40.000 переселенцев достаточно будет только на один месяц (полагая в месяц на каждого едока по одному пуду ржи и считая один пуд ржи с перевозкой в 1 руб. 25 коп.). Нет сомнения, – заключает корреспондент, – что принятое Обществом Красного Креста в этом деле участие будет поддержано всеми силами нашего русского общества, и недостатка в деньгах не будет»⁴⁹.

28 декабря 1875 г. отряд прибыл в Дубровник, где в рекордные сроки открыл больницу для лечения раненных повстанцев. Для работы в ней были оставлены врач Богоявленский и сестры милосердия Надеждина и Терпиловская. Остальные отправились в Черногорию⁵⁰.

Из доклада Главного управления Общества попечения о раненных и больных воинах императрице Марии Александровне, курировавшей его деятельность, о положении герцеговинских и боснийских беженцев (конец 1875 г.) мы узнаем, что всего, по имеющимся на тот момент сведениям, в Далмации, Хорватии, Славонии и Черногории было 140 тыс. переселенцев (в Черногории – 50 тыс.). «В австрийских землях и среди католического населения, – отмечалось в докладе, – выходцы терпят большой недостаток в одежде и помещении, к которому католики относятся весьма равнодушно... В Черногории переселенцы как бы у себя дома, но, по причине чересчур большого наплыва людей, сами черногорцы лишены средств к существованию, а их правительство поставлено в затруднительное положение»⁵¹.

О деятельности русского санитарного отряда в поистине экстремальных условиях с благодарностью отзывались герцеговинцы, боснийцы и черногорцы. Впоследствии в Черногории был организован еще ряд госпиталей⁵².

Следует отметить, что, несмотря на расширявшееся и набиравшее силу движение в русском обществе в пользу беженцев и повстанцев, не все в России одобряли «славянский порыв». В прессе раздавались голоса, призывавшие думать не о «страждущих славянах», а в первую очередь о своем собственном народе и собираемые средства употребить на улучшение его материального положения и образование. Однако в русском обществе постепенно формировалась такая атмосфера, которая мешала рационально воспринимать действительность. Да и трудно поступать рационально и думать в первую очередь о собственном благе людям, которые с детских лет слышали от родителей и мудрых старцев: «Если тебе плохо, найди того, кому еще хуже, и помоги ему».

Еще одной формой проявления сочувствия в русском обществе к «братьям-славянам» было возникновение добровольческого движения. Первые добровольцы появились в Герцеговине, а затем в Боснии осенью 1875 г. В основном это были русские революционеры, находившиеся на нелегальном положении. В советскую эпоху данный факт в историографии всячески подчеркивался и превозносился в большинстве работ, хотя число добровольцев тогда было весьма незначительно – авторы приводят разные цифры: 50, 70, более ста человек. Роль революционеров в добровольческом движении советскими историками⁵³ если не преувеличивалась, то подчеркивалась как «значительная», «первая» и т.д. Вместе с тем данный вопрос представляет несомненный интерес и заслуживает и рассмотрения, и дальнейшего углубленного изучения, чтобы не впадать в другую крайность.

В одной из прокламаций герцеговинских повстанцев, помещенной 31 июля 1875 г. (позже она была перепечатана в петербургской газете «Голос» от 20 августа /1 сентября/), содержался призыв ко всем народам, находившимся под султанским игом, подняться на борьбу с оружием в руках, а к «остальным славянам» – просьба «помочь..., чтоб вскоре можно было сказать, что турецких райов более уже не осталось»⁵⁴.

Но на помощь герцеговинцам пришли не только «остальные славяне»: помимо сербов и черногорцев, среди добровольцев были итальянцы, чехи, венгры, поляки.

Приняли участие в восстании и русские революционеры. Вскоре после его начала были получены сведения, что оно пресле-

дует цель завоевать политическую независимость и по своему характеру является социальным движением. «Последнее было особенно важно, и можно полагать, – пишет российская исследовательница, автор многих работ по данной теме В.М. Хевролина, – что именно это обусловило решение ряда революционеров ехать в Герцеговину»⁵⁵.

Основным мотивом поездки русской революционной молодежи на Балканы явилось не просто сочувствие, желание помочь угнетенным народам, а стремление добиться установления демократического строя в славянских землях после их освобождения. Создание демократических славянских государств или их федерации могло бы явиться, по мнению русских революционеров, преддверием к освобождению русского народа и послужить началом к основанию в будущем Великой славянской федеративной республики, идея которой была популярной в некоторых революционных кругах.

Русские добровольцы прибыли в Герцеговину главным образом из южных областей империи. Ссылаясь на данные газеты «Одесский вестник», В.М. Хевролина приводит следующую статистику: из Одессы в Герцеговину отправилось 25 чел., из Киева – 10. Интернациональный отряд во главе с киевлянином В.Я. Яновским насчитывал 80 чел. Среди первых уехавших в Герцеговину добровольцев были революционно настроенные студенты, гимназисты, члены революционных кружков, служащие библиотек, книжных магазинов. В.М. Хевролина называет некоторых из них: П.А. Енкуватов, О.М. Габель, И.В. Зелинский, братья В.П. и А.П. Лепешинские, И.К. Дебагорий-Мокриевич, И.М. Ходько и др., которые уехали в Герцеговину в 1875 г. на средства, собранные украинскими либерально-буржуазными организациями – «громадами». Из Швейцарии прибыли сражавшийся в рядах парижских коммунаров М.П. Сажин и известный впоследствии писатель С.М. Степняк-Кравчинский. В боснийском восстании участвовали революционер Н.Д. Далматов и журналисты левого толка С.Ф. Шарапов и Ф. Васильев. Почти все они были на нелегальном положении и границу перешли также нелегально⁵⁶.

Добровольцы принимали участие в боевых действиях, но условия горной партизанской войны были очень тяжелы; осенью и зимой восставшие испытывали недостаток в теплой одежде, еде и медицинской помощи, не хватало оружия, пороха. Это явилось одной из основных причин кратковременности пребывания в Герцеговине многих русских волонтеров. Однако на смену им приезжали новые. Некоторые настолько освоились, что продолжали ос-

таваться в Герцеговине и Боснии поздней осенью и даже зимой, например, М.П. Сажин, В.Я. Яновский, Н.Д. Далматов и др.

В.М. Хевролина не разделяет точку зрения некоторых исследователей «о случайности и бесполезности этого добровольческого движения для дела русской революции». «Именно с Герцеговины, – пишет исследовательница, – начинается в среде народников пересмотр отношения к политической борьбе. Попав в Герцеговину, русские народники, отрицавшие политическую борьбу, приняли в ней участие, более того, стали считать, что участие в такой борьбе есть дело служения народу. Это было мнение единиц, но уже сам факт осознания того, что движение на Балканах имеет свои определенные задачи, что создание национальных независимых государств на Балканах продиктовано насущной исторической необходимостью, является исторически прогрессивным, сам факт знаменателен с точки зрения идеологии народничества. Это было отступление от теории в пользу практики». Именно поэтому восстание в Боснии и Герцеговине автор справедливо, на наш взгляд, расценивает «не только как крупнейший факт в истории югославянских народов, но и как событие, оказавшее значительное влияние на общественно-политическую жизнь России...»⁵⁷.

В XXI веке история восстания в Герцеговине и участия в нем россиян (несмотря на запрет и противодействие официальных сфер) обогатилась, благодаря публикации отечественными историками документов из Российского Государственного военно-исторического архива, новыми фактами. Так, теперь известно, что помимо революционно настроенной молодежи и революционеров-нелегалов, о чем писали в своих трудах советские историки, в ряде сражений, в том числе в битве при Дуге в ноябре 1875 г., принял участие близкий к славянофилам полковник русской службы в отставке, парижский корреспондент «Московских ведомостей» и «Русского мира» Петр Августинович Монтеверде (1839 – после 1896). В сентябре 1875 г. он выехал в Герцеговину, где сблизился с руководителями восстания П. Павловичем и Б. Зимоничем и участвовал в ряде сражений, а также вместе с А.С. Ионичем и Г.С. Веселитским-Божидаровичем организовывал денежную и продовольственную помощь повстанцам (вплоть до весны 1876 г.)⁵⁸.

Общественное движение в России в пользу славян, возникшее во второй половине 1875 г., не угасло, как в Европе, а значительно расширилось, набрало силу и размах в следующем году – в связи с началом сербо-турецкой войны. Разумеется, без разрешения и одобрения властей это движение не могло бы принять такие

значительные масштабы. Как следует из документов, эти масштабы весьма беспокоили правящую элиту империи, особенно «порыв» и «энтузиазм» бывших крепостных крестьян и остального «серого люда». Историки могут анализировать источники и рассуждать о том, правильно или неправильно поступали русские люди, помогая далеким балканцам, когда думать нужно было о себе и своих нуждах. Но факт остается фактом – общественное движение в России в 1875 г. возникло, и на Балканы потекли не только значительные средства – сотни тысяч рублей, но в 1876 г. развернулось добровольческое движение, и тысячи русских добровольцев отправились в Сербию, чтобы вместе с сербами и черногорцами сражаться против турок.

В заключение следует подчеркнуть большой вклад отечественных историков в создание документальной базы исследований по рассматриваемой проблеме. Результатом их работы стало издание в 1960–1980-х годах целого ряда публикаций документов, монографий и статей по практически не изученной в тот период теме. Эти труды не утратили своей научной значимости и по сей день, и к ним неизменно обращаются ученые нового поколения, изучающие историю балканской политики России и русско-балканских связей. Разумеется, советская историография в целом и по рассматриваемой теме, в частности, была и идеологизированной, и в чем-то мифологизированной – об этом легко теперь рассуждать из XXI века. Но не нужно требовать от отечественных ученых больше того, что они могли сделать и опубликовать в реалиях советской эпохи. Свою работу они выполняли добросовестно, неустанно и самоотверженно добывая крупницы нового знания и делая его достоянием науки.

В последние годы интерес к изучению истории Восточного кризиса 1875–1878 гг., несколько угасший в конце XX в., вновь усилился. Наглядным свидетельством этого стали фундаментальные публикации документов, примечательные не только новыми материалами, но и новыми подходами в исследовании различных аспектов темы.⁵⁹ На очереди – новые интересные труды, учитывающие как уже созданную богатую литературу, так и достижения и тенденции отечественной и зарубежной науки XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. Документы. М., 2008. С. 190 (А.Н. Кудрявцев – Н.П. Игнатьеву 10 декабря 1875 г.).

- ² Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878 гг. М., 1978. С. 67.
- ³ Россия и восстание... С. 91.
- ⁴ Там же. С. 24.
- ⁵ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960. С. 280.
- ⁶ Россия и национально-освободительная борьба. С. 67.
- ⁷ Россия и восстание... С. 163–164.
- ⁸ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 270.
- ⁹ *Хевролина В.М.* Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание // Балканские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978. С. 45.
- ¹⁰ Одесский вестник. 4 июля 1875 г.; *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 269.
- ¹¹ Русский мир. 8 июля 1875 г.; *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 269–270.
- ¹² Голос. 25 июля 1875 г.; *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 270.
- ¹³ Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. Сборник документов и материалов. Самара, 2009. С. 18–19.
- ¹⁴ Там же. С. 20.
- ¹⁵ Голос. 23 сентября 1875 г.
- ¹⁶ Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи. 1804–1878 гг. М.–Белград, 2011. С. 574.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Россия и восстание... С. 154.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 155.
- ²¹ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 281.
- ²² *Снытко Т.Г.* Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875–1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С. 95.
- ²³ Россия и восстание... С.171.
- ²⁴ Россия и национально-освободительная борьба. С. 79.
- ²⁵ *Нарочницкая Л.И.* Национально-освободительные движения на Балканах и народные массы России во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982. С. 135.
- ²⁶ Россия и национально-освободительная борьба. С. 86.
- ²⁷ Там же. С. 78.
- ²⁸ Народы Поволжья... С. 21.
- ²⁹ Цит. по: *Нарочницкая Л.И.* Указ. соч. С. 132.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 132, 133.

- ³² *Снытко Т.Г.* Указ. соч. С. 97.
- ³³ Там же. С. 96.
- ³⁴ Там же. С. 96–97.
- ³⁵ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 311.
- ³⁶ Россия и национально-освободительная борьба. С. 87.
- ³⁷ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 286; Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб, 1876. С. 491–492.
- ³⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. I. М., 1961. С. 144.
- ³⁹ Россия и национально-освободительная борьба. С. 120.
- ⁴⁰ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 287.
- ⁴¹ Россия и национально-освободительная борьба. С. 66.
- ⁴² *Гросул В.Я.* Восточный кризис 70-х годов XIX в. и российское общество // 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. Материалы международной научной конференции. 15–17 мая 1978 г. М., 1978. С. 140.
- ⁴³ Россия и национально-освободительная борьба. С. 125.
- ⁴⁴ Народы Поволжья. С. 28.
- ⁴⁵ Россия и национально-освободительная борьба. С. 89–90.
- ⁴⁶ Там же. С. 90–91.
- ⁴⁷ Там же. С. 89.
- ⁴⁸ Там же. С. 84–85; Голос. 17 (29) декабря 1875 г.
- ⁴⁹ Россия и национально-освободительная борьба. С. 85; Голос. 6 (18) декабря 1875 г.
- ⁵⁰ Россия и национально-освободительная борьба. С. 95.
- ⁵¹ Там же. С. 94.
- ⁵² См.: *Јовановић Ј.* Прилог изучавању помоћи Русије херцеговачким избеглицима у Црној Гори (1875–1878) // Историјски записи. 1976. Св. 2. С. 282–283.
- ⁵³ См.: *Никитин С.А.* Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; *Яковлев Н.Н.* К вопросу об участии русских добровольцев в боснийско-герцеговинском восстании 1875–1876 годов // Советское славяноведение. 1975. № 6; *Гросул В.Я.* Революционная Россия и освободительные движения на Балканах в 70-х гг. XIX в. // Новая и новейшая история. 1978. № 2; *он же.* Восточный кризис 70-х годов XIX в. и российское общество // 100 лет освобождения балканских народов от османского ига. Материалы международной научной конференции. 15–17 мая 1978 г. М., 1978; *он же.* Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980; *Хевролина В.М.* Революционное народничество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875–1878 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1968; *она же.* Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875–1876 гг. // Славянское возрождение. М., 1966; *она же.* Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание // Балкан-

ские исследования. Вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978.

⁵⁴ Голос. 20 августа (1 сентября) 1875 г.

⁵⁵ *Хееролина В.М.* Революционная Россия и боснийско-герцеговинское восстание... С. 41.

⁵⁶ Там же. С. 42–43.

⁵⁷ Там же. С. 48–49.

⁵⁸ Россия и восстание... С. 185.

⁵⁹ Об этом подробнее см.: *Даченко С.И.* Начало Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и русское общество: проблема отечественной историографии. // *Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии.* Сб. статей. М., 2015.